

при подлинной грамоте ⁵⁴ и 5) Michael Steno (1400—1413) — В. Cecchetti, 22; экземпляр неважный, не очень хорош, что при документе, у Cecchetti замечательно хороший;⁵⁵ 6) Thomas Mocenigo (1414—1423) — В. Cecchetti, 23; два экземпляра, из них один уже покрылся белым налетом;⁵⁶ к четвертому типу относятся и старшие буллы дожа Франческо Фоскари; 7) Francesco Foscari (1423—1457); три экземпляра второго варианта — В. Cecchetti, 24^b (с Francisc, а не Sc).⁵⁷

Е. Ю. БАСАРГИНА

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ТРАПЕЗУНД (1916 г.)

Среди поздневизантийских городов важное место принадлежит Трапезунду. Став в 1204 г. столицей империи, Трапезунд из провинциального города превратился в экономический центр обширного района Малой Азии, Закавказья и Передней Азии. Выгодное географическое положение и многовековые связи с Востоком содействовали тому, что Трапезунд стал крупнейшим черноморским импортом.

На протяжении XIII—XV вв., вплоть до захвата Трапезунда турками в 1461 г., Трапезундская империя была хранительницей культурных традиций Византийской империи, о чем, в частности, свидетельствует значительное количество сохранившихся памятников архитектуры и искусства, например окруженная стенами цитадель с остатками императорского дворца и ряд церковных памятников, важнейшими из которых являются церкви св. Софии, св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Эти и многие другие церкви после 1461 г. были обращены в мечети и подверглись различным переделкам. В силу того что древности Трапезунда постоянно претерпевают изменения, а некоторые, особенно стенная живопись храмов, постепенно разрушаются, исключительную ценность для современных историков приобретают описания исторических памятников, которые оставили путешественники и ученые, посетившие Трапезунд в разное время.

⁵⁴ Грамота дсжа Дельфино Венерио, данная подеста и капитану Бреселло 19 июля 1410 г. (Архив ЛОИИ СССР АН СССР, кол. 6, карт. 186, д. 22).

⁵⁵ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, кол. 54, оп. 2, № 12.

⁵⁶ Там же, № 13, 13а.

⁵⁷ Там же, № 16—18. — Экземпляры хорошей сохранности также при грамотах 3 марта 1441 г. (карт. 186, д. 32), 4 июля 1443 г. (карт. 187, д. 1), 26 мая 1444 г. (карт. 187, д. 2). — Окончание публикации см. в одном из следующих выпусков «Вспомогательных исторических дисциплин».

Интерес к Трапезунду возрос начиная с 40-х гг. XIX в. В 1839 г. Трапезунд осмотрел Тексье, в 1840 г. — Фальмерайер, в 1893 г. — Милле и Стржиковский, в 1893 и 1898 гг. — Линч.¹

Обстоятельства первой мировой войны позволили русским ученым организовать в 1916 и 1917 гг. в оккупированный русскими войсками Трапезунд две экспедиции под руководством Ф. И. Успенского. В 1916 г. экспедиция работала в составе трех сотрудников (Ф. И. Успенский, Ф. И. Шмит и Н. К. Клуге), а в 1917 г. — в составе семи (среди них Н. Б. Бакланов, А. Е. Крымский, Н. Д. Протасов). В 1925 г. во время своей научной командировки в Турцию Трапезунд посетили молодые советские ученые Н. И. Брунов и М. В. Алпатов.

Более 30 лет посвятил изучению памятников Трапезунда Д. Тэлбот Райс, впервые посетивший этот город в 1929 г.² С 1957 по 1962 г. он был одним из участников знаменитой экспедиции Рассела Траста, которая занималась реставрацией и изучением одного из интереснейших памятников Трапезунда — церкви св. Софии.³ Благодаря усилиям экспедиции церковь была закрыта турецкими властями для мусульманского культа и превращена в музей. В составе этой экспедиции работала С. Балланс, которая кроме св. Софии изучала церкви св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Она составила более точные по сравнению с ее предшественниками планы этих церквей.⁴ Ее материалы были использованы в очерке А. Брайера и Д. Уинфильда, посвященном памятникам Трапезунда, который включает в себя также результаты исследований оборонительных сооружений города, проведенных А. Брайером.⁵

Несмотря на стойкий интерес к Трапезунду со стороны ученых, возможности изучения его памятников еще не исчерпаны: например, до сих пор не исследована живопись бывших церквей св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Не проведены еще и систематические раскопки Кремля.⁶ Именно поэтому современные ученые вынуждены постоянно обращаться к опыту своих предшественников, прежде

¹ *Textier Ch.* Description de l'Arménie. Paris, 1842; *Fallmerayer J.* Fragmente aus dem Orient. Stuttgart, 1877; *Millet G.* Les monastères et les églises de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1895. Vol. XIX. P. 419—459; *Strzygowski I.* Les chapiteaux de Sainte Sophie à Trébizonde // Ibid. P. 517—522; *Линч Х. Ф. Б.* Армения: Путевые очерки и этюды. Тифлис, 1910. Т. 1. С. 28—30. — Подробный обзор этих и других источников содержится в книге: *Безобразов П. В.* Трапезунт: Его святая и древности. Пг., 1916.

² *Talbot Rice D.* 1) Notice on some religious buildings in the city and vilayet of Trebizond // Byzantion. 1929—1930. Vol. V. P. 47—81; 2) Trebizond, a mediaeval citadel and palace // Journal of Hellenic Studies. 1932. Vol. 52. P. 47—54; *Millet G. Talbot Rice D.* Byzantine painting at Trebizond. London, 1936.

³ The church of Hagia Sophia at Trebizond / Ed. D. Talbot Rice. Edinburgh, 1968; см. также: *Bryer Anth.* The church of Hagia Sophia in Trebizond // Apollo. 1969. April. P. 268—274.

⁴ *Ballance S.* The Byzantine churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. X. P. 141—176.

⁵ *Bryer Anth., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontus. Washington, 1985. Vol. 1. P. 178—250.

⁶ *Ibid.* P. 195, 222; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 11.

всего русских ученых, которые в условиях военного времени имели свободный доступ к памятникам, ныне закрытым для исследователей.

В целом годы первой мировой войны не были благоприятны для развития византийских занятий в России: в 1914 г. был закрыт Русский Археологический институт в Константинополе, нарушилась регулярность выхода «Византийского временника», расстроился ход преподавания в университетах. Обстоятельства мировой войны пошли навстречу интересам русских ученых только в одном: на некоторое время были открыт доступ в доселе малодоступные области Турции, в том числе в Трапезунд.⁷

Русская экспедиция работала в Трапезунде в течение летних месяцев 1916 и 1917 гг. Основное внимание исследователей было сосредоточено на трех основных христианских памятниках Трапезунда: церквях св. Софии, св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Все три церкви были закрыты для мусульманского культа для ведения в них археологических работ.⁸ В 1917 г. удалось уделить внимание топографическим разысканиям древнего Трапезунда и обследованию цитадели.

Как показало время, самыми перспективными оказались работы по изучению церкви св. Софии (мечеть Айа-София). Значение этой церкви как памятника архитектуры XIII в. было оценено уже в XIX в. Наиболее обстоятельное описание церкви св. Софии оставил Г. Милле, им был составлен план церкви и скопированы все видимые надписи и граффити.⁹ И. Стржиговский описал капители церкви.¹⁰

В 1916 г. в течение месяца исследование церкви св. Софии вели Ф. И. Шмит и художник Н. К. Клуге. Работа началась с расчистки памятника: был снят дощатый турецкий пол, под которым сохранилась средняя часть мраморного пола, сделаны промеры церкви для плана и продольного разреза и выполнен эскиз чертежа пола. Отчасти была сбита штукатурка и обнаружены росписи в алтаре храма и по стенам.¹¹ Художник Н. К. Клуге выполнил акварельные копии фрагментов открытых фресок.¹²

Работу над памятником продолжил летом следующего года Н. Д. Протасов, он обследовал обнаруженный в 1916 г. иконографический материал.¹³ Но открытого материала было явно недо-

⁷ Кроме Трапезундской в 1916 и 1917 гг. была организована экспедиция в турецкую Армению под руководством Н. Я. Марра.

⁸ Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского о командировке в Трапезунт // Изв. имп. Академии наук. Сер. VI. 1916. № 16. С. 1466 (Приложение к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии имп. Академии наук от 21 сентября 1916 г.).

⁹ Millet G. Les monastères. . .

¹⁰ Strzygowski I. Les chapiteaux. . .

¹¹ Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского. . . С. 1468; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 46 об.—47, 56 об.

¹² ЛО ААН СССР, ф. 169, оп. 1, д. 13.

¹³ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г.: (Должено в заседании Отделения исторических наук и филологии 17 января 1918 г.) // Изв. Рос. академии наук. Сер. VI. 1918. № 5. С. 220—221.

статочно для того, чтобы делать какие-либо определенные выводы о характере и особенностях этой живописи.

Начатые работы пришлось оставить, так как в 1918 г. русские войска эвакуировались из Трапезунда. Благодаря счастливому стечению обстоятельств исследование архитектуры этого памятника было продолжено в 1925 г. Н. И. Бруновым и М. В. Алпатовым. Им удалось опубликовать результаты своих исследований за рубежом.¹⁴

Тэлбот Райс, посетивший Трапезунд в 1929 г., был поражен высоким качеством фресок, открытых русской экспедицией. Однако ему потребовалось более 30 лет для того, чтобы завершить изучение и организовать реставрацию этого интереснейшего памятника христианского искусства XIII в.

Другой важной святыней Трапезунда является церковь св. Евгения (мечеть Ениджами), наиболее почитаемого в Трапезунде святого, покровителя города. Этот храм находится за городскими стенами, и поэтому он не раз подвергался опасности. В 1340 г. церковь св. Евгения во время междоусобной борьбы сильно пострадала от огня и была перестроена.

В 1916 г. в церкви под руководством Ф. И. Успенского были проведены пробные археологические раскопки: в нескольких местах была снята с пола деревянная настилка для выяснения местонахождения раки св. Евгения, открыты фрагменты нескольких фресок над входом с северной стороны и выполнен эскиз чертежа пола. Добытый материал позволил определить историческую ценность этого памятника и наметить план будущих работ.¹⁵ В 1917 г. художник-архитектор Н. Б. Бакланов произвел подробный обмер церкви, а Н. Д. Протасов обследовал открытые в 1916 г. фрагменты фресок.¹⁶ Н. Б. Бакланову удалось опубликовать полученные результаты.¹⁷ Его работа пользуется большим авторитетом у специалистов.¹⁸ Статью отличает добротность научного материала. Кроме того, она остается пока единственным источником сведений об открытых в 1916 г. фресках в церкви св. Евгения, так как после эвакуации русских войск из Трапезунда в 1918 г. турки вновь закрыли фрески слоем штукатурки, а мозаичный пол — деревянным настилом. И то и другое недоступно для изучения и по сей день.¹⁹

¹⁴ В России опубликовано только: *Алпатов М., Брунов И.* Краткий отчет о поездке на Восток // *Византийский вестник* (1923—1926). 1926. Т. 24. С. 61—62; *Брунов Н.* La Sainte-Sophie de Trébizonde // *Byzantion*. 1929. Vol. IV. P. 393—408; *Alpatov M.* Reliefs de Sainte-Sophie de Trébizonde // *Ibid.* P. 410—418. — Иногда их ошибочно считают участниками экспедиции 1916—1917 гг. См., например: *Ballance S.* The Byzantine churches. . . P. 162.

¹⁵ Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского. . . С. 1469—1471.

¹⁶ *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях. . . С. 217, 220.

¹⁷ *Baklanov N.* Deux monuments Byzantins de Trébizonde // *Byzantion*. 1929. Vol. IV. P. 363—391. — Кроме церкви св. Евгения в ней описана также церковь Богородицы Златоглавой.

¹⁸ *Ballance S.* The Byzantine churches. . . P. 149, 150, 157.

¹⁹ *Millet G., Talbot Rice D.* Byzantine painting. . . P. 111; *Bryer Anth., Winfield D.* The Byzantine monuments. . . P. 222.

Третьей важнейшей церковью Трапезунда является церковь Богородицы Златоглавой (Панагия Хрисокефалос, мечеть Ортахисар). Она служила кафедральным храмом митрополитов и местом царского захоронения. Хотя в 1916 г. в церкви были обнаружены следы фресок и мозаичный пол, работ по их расчистке провести не удалось.

Большой удачей экспедиции 1916 г. явилось открытие Ф. И. Успенским находившейся возле храма Богородицы Златоглавой усыпальницы трапезундского императора, которую турки использовали для гурба, посвященного памяти героя Хосоглана, по преданию, виновника падения Трапезунда в 1451 г. При ближайшем знакомстве с памятником выяснилось, что первоначально эта гробница представляла собой открытый античный храм, турки же грубо переделали царскую усыпальницу для своих нужд. В гробнице были проведены раскопки и обнаружены два скелета, турецкого молодого героя и трапезундского императора. Императорская гробница оказалась разграбленной. Ф. И. Успенскому удалось убедительно доказать, что найденные им останки принадлежат трапезундскому императору Алексею IV Комнину.²⁰ Эта версия представляется наиболее правдоподобной и принята в науке.²¹ Останки императора были перенесены во вновь образованный музей.²² В 1917 г. усыпальницу отремонтировали, однако после 1918 г. этот памятник был разрушен. Сведения о нем можно почерпнуть только из работ Ф. И. Успенского.

В 1917 г. были обследованы оборонительные сооружения города. Ф. И. Успенский, опираясь на археологические данные, сделал реконструкцию плана города византийской эпохи,²³ которая страдает, однако, некоторыми погрешностями.²⁴ Он же исследовал дворцовую церковь и колокольню при храме св. Софии.²⁵

Экспедиция 1916 г. принесла довольно большое число археологических находок, которые были помещены в организованный при церкви Богородицы Златоглавой местный (историко-археологический музей). Довольно полное представление о ценности этой коллекции дает опись предметов, содержащаяся в письме Ф. М. Морозова Ф. И. Успенскому:

²⁰ Успенский Ф. И. 1) Второй отчет о занятиях в Трапезунте и окрестностях // Изв. имп. Академии наук. Сер. VI. 1916. № 17. С. 1660—1663 (Приложение к протоколу XII заседания Отделения исторических наук и филологии имп. Академии наук от 26 октября 1916 г.); 2) Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте // Византийский временник. 1922. Т. 23. С. 1—14.

²¹ *Bryer Anth., Winfield D. The Byzantine monuments. . . P. 201.*

²² Сейчас они находятся в Греции (*Bryer Anth., Winfield D. The Byzantine monuments. . . P. 201*).

²³ Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929. С. 4—12.

²⁴ *Talbot Rice D. Trebizond, a mediaeval citadel and palace. P. 47; Bryer Anth., Winfield D. The Byzantine monuments. . . P. 191.*

²⁵ Успенский Ф. И. 1) Отчет о занятиях. . . С. 217—220; 2) Очерки из истории. . . С. 149—154.

«1. Белого мрамора капитель, полая внутри, где заметны в дне отверстия, сделанные для стока воды. . . барельеф. Рисунок довольно глубокой и свободной резьбы, представляющий два широких листа лотоса. . . Эта капитель до поступления в музей находилась возле колодца, что близ церкви Богородицы Златоглавой.

2. Белого мрамора капитель. . . имеет по сторонам рисунок узких листьев. Эта капитель найдена при раскопках у могилы царя Алексея Комнина. 1916.

3. Белого мрамора плоская плита. . . имеет рельефный растительный орнамент; рисунок потертый. Этот кусок найден вместе с описанной малой капителью при раскопках разрушений близ домов у могилы царя Алексея Комнина 9 сентября 1916 г.

4. . . . остатки белой мраморной колонны найдены в земле при проведении траншеи при раскопках могилы Алексея Комнина.

5. Бронзовые часы с испорченным механизмом из храма Богородицы Златоглавой.

6. Две створки деревянной двери, взятые с проповеднической кафедры из храма Богородицы Златоглавой. Обе половинки створец инкрустационной работы — кость и цветное дерево. Дивный восточный рисунок.

7. Куски белого мрамора, фрагменты того же материала с орнаментом; несколько мраморных кусков мозаики, взятых с пола, и формы чаши сосуд, у которого низ литой бронзовый, а верх гладкий металлический. . . Все сейчас перечисленное принесено из храма св. Евгения.

8. Из храма св. Евгения принесен костяк, найденный при раскопках в алтаре, и два черепа.

9. Кости, найденные при вскрытии могилы царя Алексея Комнина.

10. Мраморные куски; куски не той породы камня или металла с вкрапленными золотыми блестками; железный гвоздь; глиняные черепки — все найдено при вскрытии могилы Алексея Комнина.

11. Почерневшие кости черепа, найдены при проведении траншеи возле могилы.

12. Желтой меди круглая чаша с турецкими надписями — из храма Богородицы Златоглавой.

13. Проповедническая кафедра, вся украшенная восточной резьбой с серебряной и костяной инкрустацией. В данное время она вся окрашена масляной краской.

14. Медный кувшин с турецкой надписью».²⁶

²⁶ Ф. М. Морозов — Ф. И. Успенскому, 10 сентября 1916 г. // ЛО ААН СССР, ф. 169, оп. 1, д. 6, л. 9—11. — Ф. М. Морозов содействовал созданию музея, о чем см. ниже.

В этой же церкви были сосредоточены большой книжный и рукописный материал, а также архивные документы — все, что было обнаружено в мечетях и брошенных частных библиотеках. Для разбора этого собрания в 1917 г. был приглашен А. Е. Крымский.²⁷ В 1916 г. из Трапезунда вывезли 15 наиболее ценных рукописных коранов.²⁸ В 1929 г. их обменяли на имущество Русского Археологического института в Константинополе, оставшееся в Стамбуле при эвакуации института в 1914 г.²⁹

Таковы основные результаты научной работы экспедиции. Однако целиком, в виде монументального издания, добытый археологический материал — акварели, фотоснимки, планы и чертежи — опубликован не был,³⁰ он только частично использовался в работах Ф. И. Успенского и Н. Б. Бакланова.

Деятельность экспедиции, однако, не ограничивалась историко-археологическими изысканиями. Следуя требованиям военного времени, экспедиция 1916 г. ставила перед собой задачу охраны и спасения исторических ценностей Трапезунда.

Вопрос об охране памятников в районе Трапезунда был возбужден почти одновременно в Русском археологическом обществе и в Академии наук за несколько месяцев до оккупации Трапезунда русскими войсками. Члены Археологического общества А. А. Дмитриевский и Я. И. Смирнов 11 февраля 1916 г. сделали на заседании Русского отделения Общества доклад «Древности Трапезунда» о необходимости охраны памятников Трапезунда. На основании их доклада было решено немедленно поставить перед военными властями вопрос «о заблаговременном принятии мер к тому, чтобы памятники г. Трапезунда, а впоследствии всей приморской области поставлены были под действительное наблюдение и попечение ученых специалистов по возможности с самого момента занятия соответствующих городов нашими войсками, дабы предотвратить те возможные повреждения, которые могут потерпеть эти памятники как от случайностей первых моментов военной оккупации, так и от хищений торговцев древностями и любителей и, наконец, от слишком поспешного и недостаточно осмотрительного возвращения некоторых мечетей к их прежнему церковному назначению».³¹ Аналогичное решение было

²⁷ Успенский Ф. И. Отчет о занятиях. . . С. 212—216.

²⁸ Крачковский И. Ю. Описание собрания коранов, привезенных из Трапезунда академиком Ф. И. Успенским // Изв. Российской академии наук. Сер. VI. 1917. № 6. С. 346—349.

²⁹ ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1929, д. 82, л. 1—4.

³⁰ Там же, ф. 169, оп. 1, д. 8 (планы с эскизами фасадов (и наброски их с Трапезундского кремля), развалин дворца и церкви. Худ. М. Э. Керн, октябрь 1917), 9, 11 (виды Трапезунда и его окрестностей. Фотографии), 12 (рисунки архитектурных памятников Трапезунда. Худ. Д. Пахомов и Г. К. Мейер), 13 (зарисовки фресок из св. Софии. Худ. Н. К. Клуге), 14 (детали лепных украшений, мозаик и стеной росписей из церквей св. Евгения, Хрисокефалос. Зарисовки пером и акварелью. Худ. М. Минцлов.), 17 (стенные надписи), 20—23 (виды Трапезунда).

³¹ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 7 об.

принято 24 февраля на собрании Историко-филологического отделения Академии наук.³²

В начале марта военные власти дали согласие командировать в Кавкаскую действующую армию представителей Русского археологического общества и Академии наук.³³ Так как Общество и Академия наук ставили перед собой сходные задачи, было решено объединить их усилия и организовать совместную экспедицию. В ее состав предполагалось включить Я. И. Смирнова, Ф. И. Шмита, Ф. И. Успенского и его помощника, командированного Академией наук художника-фотографа Н. К. Клуге.³⁴ Согласно взаимной договоренности Общества и Академии, ходатайство об ассигновании средств на экспедицию должен был возбудить председатель Общества.³⁵ Однако это произошло с большим опозданием — 22 апреля.³⁶ Тем временем 18 апреля Трапезунд был занят русскими войсками, а накануне, 16 апреля, Я. И. Смирнов, разуверившись в успехе экспедиции, отказался от участия в ней.³⁷ Вопрос о финансировании экспедиции все же был благополучно разрешен. Министр народного просвещения дал разрешение позаимствовать 7000 руб. на кредита временно закрытого Русского Археологического института в Константинополе.³⁸ Это решение было принято с ведома и согласия директора института Ф. И. Успенского.³⁹ Ф. И. Успенский и Н. К. Клуге 24 апреля выехали из Петрограда в Тифлис, где они должны были встретиться с Ф. И. Шмитом и явиться в штаб Кавказской армии. Уладив дела в Тифлисе, экспедиция через Батуми выехала в Трапезунд.

Прибыв в Трапезунд 13 мая,⁴⁰ экспедиция нашла город совер-

³² Протоколы собраний Историко-филологического отделения имп. Академии наук. [Пг., 1916]. IV. 24 февраля 1916 г. § 90. С. 39—40. — Далее: Протоколы собраний ОИФ.

³³ ЦГИА СССР, ф. 757, оп. 1, д. 54, л. 1 об.; Протоколы общих собраний имп. Академии наук. [Пг., 1916]. IV. 2 апреля 1916 г. § 76. С. 57. — Далее: Протоколы ОС.

³⁴ Ф. И. Шмит в письме от 14 марта выразил свою готовность по поручению Общества отправиться для наблюдения за охраной древностей на Кавказский театр военных действий (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 12). Решение о составе экспедиции было принято на общем собрании РАО 23 марта (там же, д. 406, л. 297 об.—298) и на общем собрании Академии наук (Протоколы ОС. IV. 2 апреля 1916 г. § 79. С. 58).

³⁵ Протоколы ОС. IV. 2 апреля 1916 г. § 79. С. 58.

³⁶ Протоколы собраний ОИФ. VIII. 4 мая 1916 г. § 155. С. 79.

³⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 19.

³⁸ Протоколы собраний ОИФ. VII. 20 апреля 1916 г. § 126. С. 62; ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1914, д. 47, л. 169.

³⁹ ЛО ААН СССР, ф. 169, оп. 1, д. 4, л. 2.

⁴⁰ Экспедиция прибыла в Трапезунд на миноносце, приняв необходимые меры предосторожности. Хотя город и прилегающий к нему район находились в руках русских, передвижение, особенно морем, в окрестностях Трапезунда было небезопасным. По пути в Трапезунд едва не погибла жена Ф. И. Успенского Надежда Эрастовна. Она в качестве сестры милосердия следовала на госпитальном судне «Вперед», который был потоплен неприятельской подводной лодкой. По счастью, 60-летняя Н. Э. Успенская умела плавать, бросилась в воду и продержалась, пока ее не подобрал катер. См.: Болезнь академика Ф. И. Успенского // Одесский листок. 1916. 5 августа. № 212.

шенно разграбленным.⁴¹ Успенский записал в своей записной книжке: «Осмотр мечетей производит самое жалкое впечатление. Окончательный, под защитой правительства, производимый вывоз оставшегося имущества еще усиливает чувство стыда».⁴² Все предложения начальника экспедиции по борьбе с мародерами и спасению уцелевших памятников наталкивались на сопротивление местных военных властей. Ф. И. Успенский пришел к выводу, что «администрация хотя и не отказывает в своем содействии, но оставляет таковое сложными формальностями, таким образом утрачивая возможность искать ответственного лица».⁴³ Наиболее ценные предметы, ковры и прочая утварь, сносились из мечетей согласно распоряжению генерала Яблочкина в штаб 5-го Кавказского армейского корпуса.⁴⁴ В столь неблагоприятной обстановке результаты работы по организации охраны памятников были более чем скромными. Экспедиции пришлось ограничиться самыми элементарными мерами по охране разоренных мечетей: устанавливать замки и запоры, менять выломанные окна и двери. Однако и эти усилия оказывались тщетными: замки вновь сбивались, окна и двери взламывались. Иными словами, экспедиция, прибыв в Трапезунд с таким большим опозданием, была бессильна, отчасти по независевшим от нее причинам, остановить разбой и принять эффективные меры по защите памятников.

С другой стороны, работа экспедиции осложнялась непростыми внутренними отношениями ее членов. Разногласия между участниками экспедиции, а именно между Ф. И. Шмитом и Ф. И. Успенским, обнаружались сразу при их встрече в Тифлисе. Как выяснилось, Ф. И. Шмит не был поставлен Русским археологическим обществом в известность о том, что он является членом экспедиции под начальством Ф. И. Успенского, и был уверен, что командирован самостоятельно. Он имел свой план охраны памятников на обширной территории Малой Азии, от которого ему тяжело было отказаться.⁴⁵ Однако Ф. И. Успенский сумел настоять на том, чтобы Ф. И. Шмит поехал в Трапезунд в составе экспедиции. В канцелярии штаба, по словам Н. К. Клуге, очень удивились, что Успенский так настойчиво добивался того, чтобы поставить Шмита в полнейшую зависимость от себя.⁴⁶ Ф. И. Шмит не считал для себя возможным отказаться от участия в экспедиции, хотя его и не устраивали условия работы в ней.

Затихший на время конфликт вспыхнул с новой силой, когда работа Ф. И. Шмита и Н. К. Клуге в св. Софии была в самом раз-

⁴¹ Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского. . . С. 1467—1468.

⁴² ЛО ААН СССР, ф. 116, оп. 1, д. 310, л. 32 об.

⁴³ Там же, ф. 1, оп. 2-1916, д. 39, л. 104 об.—105.

⁴⁴ Там же, л. 105; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 54 об. — Этим же путем, между прочим, были приобретены и кораны, о которых речь шла выше (ЦГИА СССР, ф. 757, оп. 1, д. 47, л. 13).

⁴⁵ Обстоятельства этой тяжбы подробно изложены в письмах Ф. И. Шмита Б. В. Фармаковскому (ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 287, л. 12—12 об., 13—14; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 45—46).

⁴⁶ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. 372, л. 50 об.

в экспедиции 1917 г.,⁶⁴ и экспедиция была организована совместно с Московским археологическим обществом.

Таким образом, экспедицию 1916 г. в целом трудно назвать удачной: мало было получено конкретных научных материалов, невелики были и практические результаты охраны памятников. Основное значение этой незначительной по масштабам экспедиции заключается, по-видимому, в том, что она наметила план дальнейших систематических работ и привлекла внимание к памятникам Трапезунда как отечественных, так и зарубежных ученых. Наконец, она пробудила интерес к собственной истории у жителей Трапезунда, о чем свидетельствуют организованные в городе музей и Общество любителей старины.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

АРХИВ А. П. СМИРНОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Имя историка искусства, византиста, А. П. Смирнова (1889—1930 гг.) в настоящее время известно лишь узкому кругу специалистов. С 1919 г. А. П. Смирнов работал в Государственной Академии истории материальной культуры и одновременно в Русском музее. В 1924 г. он становится доцентом Ленинградского университета, где читает общие и специальные курсы, а также ведет семинарские занятия по истории византийского искусства. Ученому не суждено было реализовать многие из своих творческих планов: в 1928 г. он был необоснованно репрессирован и погиб в Соловецких лагерях.¹

Количество увидевших свет работ А. П. Смирнова невелико. В их числе книга «Памятники византийской живописи» (Л., 1928), содержащая такие атрибуты икон, которые не утратили значение и через 60 лет, статьи 20-х гг.: «О времени появления константинопольской ксилопорты», «Фрески Супральского монастыря», «Греческий деревянный резной поставец», «К вопросу о первоначальной византийской композиции средника иконы Распятия». В 1975 г. в сборнике «Древнерусское искусство» А. В. Банк была опубликована статья А. П. Смирнова «Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков». В настоящее время мною подготовлены и сданы в печать еще две статьи ученого: «Что такое скараник. К вопросу об одной спорной части византийского придворного об-

⁶⁴ Протоколы собраний ОИФ. III. 8 февраля 1917 г. § 92. С. 49—50; ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1-1914, д. 48, л. 1—2.

¹ Краткие биографические данные об А. П. Смирнове см.: Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С. 27. — Научная биография А. П. Смирнова будет опубликована В. Н. Залесской в сб. «Византиноведение в Эрмитаже» (Л., 1991), подготовленном к XVIII международному конгрессу византистов в Москве.